

Национальные отношения. РОССИЯНЕ В БАЛТИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Автор: Р. Х. СИМОНЯН

Стойкий интерес российского общества к трансформационным изменениям на территории бывшего СССР - вполне естествен. 13 лет раздельного развития республик, недавно составлявших единое социально-экономическое и политико-правовое пространство, дало совершенно различные экономические, политические и социальные результаты, особенно если сравнивать Россию и государства Балтии.

Одна из вечных тем, перманентно привлекающая повышенное внимание в нашей стране, - проблемы русского, а точнее русскоязычного населения в странах Балтии. Приходится с сожалением констатировать, что данные сюжеты не только на уровне массового сознания, но и научного анализа и экспертных оценок получили неадекватное отражение. В отечественную научную литературу перекочевали далекие часто не только от объективности, но и от реальности клишированные представления и негативные стереотипы, культивировавшиеся и культивируемые российскими СМИ. Их основные лейтмотивы примерно таковы:

- русские в бывшей советской Прибалтике - объект политической и бытовой дискриминации со стороны как властных элит, так и, соответственно, титульных народов бывшей советской Прибалтики;
- трансформационные изменения русской диаспоры привели к деградации ее этнокультурной самобытности;
- русское население нового зарубежья представляет некий ресурс внешней политики России в отношении ее соседей, своего рода "пятую колонну", посредством которой можно воздействовать на курсы тамошних правительств.

Безусловно, балтийские русские, оказавшиеся после распада СССР на территориях зарубежных государств, сталкиваются с комплексом проблем, самая большая из которых - *посттравматический социально-культурный шок* от превращения из доминирующего в Союзе большинства в меньшинство. Все остальное, включая муссируемые отдельными российскими политиками получение гражданства и обретение доступа к высшему образованию на родном языке, - производное от этого шока. Сравнительному анализу итогов постсоветского развития стран Балтии и России и рассмотрению положения русской общины в Прибалтике более десяти лет посвятил **Р. Симонян** - директор Российско-Балтийского центра Института социологии РАН. В результате масштабного исследования, осуществленного с привлечением широкого круга эмпирических материалов (притом не только массовых опросов, глубинного интервьюирования, данных статистики, но и, что особенно ценно, - многолетних наблюдений очевидца, что выгодно отличает его от тех, кто вынужден довольствоваться вторичной информацией), совершенно непривычную конфигурацию обрели многие, вроде бы, хорошо известные сюжеты (роль республик Прибалтики и, что очень важно, их русскоязычных жителей в распаде Советского Союза; эволюция статуса русского меньшинства; динамика массового сознания двух основных этнических общин в каждой из стран; уровень социально-экономического развития в государствах Балтии; отражение переходных процессов в средствах массовой информации и т.д.).

Проведенный ученым междисциплинарный анализ, позволяющий более адекватно оценить роль балтийского региона в геополитических интересах нашей страны, был обстоятельно изложен в монографии "Россия и страны Балтии" (М., 2003), вызвавший многочисленные отклики как в российской, так и в зарубежной периодике. Тем не менее, учитывая актуальность и новизну этой информации, редакция сочла целесообразным предоставить читателям возможность ознакомиться с позицией автора на страницах нашего журнала. Мы выражаем надежду, что предлагаемая статья вызовет интерес и, возможно, станет основой обсуждения соответствующей темы.

После распада союзного государства русские на постсоветском пространстве утратили особенности своего положения, связанные с их исторической миссией в образовании Российской империи и СССР и интегрирующей функцией русского языка и культуры, подкрепленные внедрением в массовое сознание стереотипа, что русский народ - "старший брат" или же "первый среди равных". Более того, в новых условиях им была уготована совершенно иная роль: в глазах титульного населения бывших национальных окраин русские становились олицетворением того самого тоталитарного режима, от которого только что удалось избавиться.

Масштабы и последствия проблем, с которыми столкнулось русское и русскоязычное население бывших союзных республик, лежали не только в сфере политики и экономики, но и массовой психологии. Мало того, что оно было в значительно меньшей степени, чем их титульное население, подготовлено к образованию на месте СССР независимых государств. Социально-психологический шок, который испытали представители доминирующего в Советском Союзе этноса, неожиданно оказавшиеся в положении меньшинства, зачастую усугублялся националистической политикой лидеров нового зарубежья.

К сожалению, подобного рода вещи, не всегда добросовестно преподносимые СМИ, неадекватно интерпретируемые экспертами и используемые для спекуляций некоторыми представителями политической элиты нашей страны, практически полностью затушевывали противоположную тенденцию - устойчивое и позитивное в целом развитие диаспорных групп русских, волею обстоятельств оказавшихся в иноэтническом окружении. В своей статье я хотел бы на примере русскоязычного населения двух балтийских стран - Латвии и Эстонии рассмотреть именно этот, наименее известный у нас аспект его жизни, обратив особое внимание на примеры успешной адаптации к новой, притом не всегда благоприятной социополитической и этнокультурной среде. Я намеренно воздерживаюсь от сопоставлений с Литвой, поскольку интеграция русской диаспоры в этой стране, в отличие от ее соседей, шла на принципиально иной правовой основе - изначально предоставлении ее членам всей полноты гражданства.

Мнимое единство

О русском населении Прибалтики в нашей стране бытует миф, что оно - некая монолитная общность, сложившаяся в советское время и противостоящая антироссийским амбициям тамошних жителей. Аналогичным образом в начале 1990-х гг. отдельные представители интеллектуальной и политической элиты балтийских республик частично внедрили в массовое сознание своих этносов представление, будто русские в Балтии - сплошная масса малообразованных "совков", носителей коммунистической идеологии и русского шовинизма, в лучшем случае равнодушных, а то и враждебных по отношению к местной культуре.

Истина же заключается в том, что нынешняя русскоговорящая община в Прибалтике, действительно сформировавшаяся в основном после Второй мировой войны¹,

¹ Так, в довоенное время в Риге совокупная доля русских, украинцев и белорусов не превышала 8,8%, а русского населения Эстонии (в современных ее границах) - 4,7%. К моменту распада СССР в 1991 г. эти показатели выглядели, соответственно, 57,1% и 30,8% [Национальные... 1996, с. 15; Исаков, 1997, с. 7 - 9].

Симонян Ренальд Хикарович - доктор социологических наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

никогда не составляла единой массы ни по своему происхождению, ни по образовательному и культурному уровню, ни по идеологической ориентации. Напротив, к началу 1990-х гг. в ее социальной структуре можно было выделить восемь отдельных групп, отличавшихся не только своими ориентациями и установками, но и спецификой отношений с титульным населением.

Первая из них - "коренные" россияне (ее доля в русской общине, по моей оценке, составляет порядка 8 - 9%). К ней, помимо славянских первоначальников региона (в некоторых районах Эстонии русские - столь же автохтонная группа, как и эстонцы) и многочисленной общины русских староверов в Латвии (существует с XVI в.), относятся потомки послереволюционной волны эмиграции из Советской России. До вхождения государств Прибалтики в состав СССР они, как и иные этнические меньшинства (немцы, евреи, поляки и др.), сохраняли свою культуру (язык, образование) и имели представительство в органах власти. Нетрудно понять, что представители данной группы - наиболее интегрированная и вокультуренная в местную среду часть нашей диаспоры, которую отличает владение языком страны проживания, высокая степень толерантности, усвоение принятых норм социального поведения, активное участие в жизни местного общества. При этом необходимо указать на малоизвестный у нас факт: в 1940 г. огромное количество этих русских было репрессировано наряду с представителями титульных народов Балтии, а чаще и прежде их [Цилевич, 1993, с. 271]. Так что бытующая в массовом сознании латышей и эстонцев оценка сталинских репрессий и депортаций в 1940-х и 1950-х гг. как этноцида, совершенно несправедлива. Русская элита в ту эпоху уничтожалась даже более жестоко, чем титульная: репрессии носили не этнический, а политико-идеологический характер.

Вторая группа - представители творческих кругов, по сути выдвинутые в послевоенное время из научно-педагогических центров России, в том числе из-за пресловутого "пятого пункта". Это сообщество осевших в основном в Тарту интеллектуалов создало вокруг себя своеобразную "свободную творческую зону", оказавшую значительное влияние на культурное развитие балтийского региона.

"Без этих людей, - замечает один из лидеров эстонской политической партии Res Publica Т. Мацулевич, - культура и духовная жизнь Эстонии многое бы потеряли" [Эстония, 2002]. Представители данной элитарной группы, скромные размеры которой (не более 1,5 - 2%) с лихвой компенсировались высоким социальным статусом, пользовались уважением коренного населения. Чему немало способствовала и господствующая ориентация ее представителей на либеральные ценности. Один из лидеров Народного фронта Эстонии Р. Вейдеман так оценил это влияние: "Мы в долгу перед тартускими русскими интеллектуалами тех лет... Благодаря этим личностям мы получили самую, я бы сказал, лучшую школу теоретической демократии" [Вейдеман, 2000, с. 124 - 125].

Третья группа (6 - 7%) состояла из инженеров, врачей, учителей, работников научно-исследовательских институтов, театральных деятелей, журналистов и т.п., прибывших в Балтию по приглашению конкретных специалистов, по распределению после окончания вузов и пр. К ней примыкала **четвертая** группа (примерно 8 - 9%) - высококвалифицированные рабочие, чей переезд диктовался необходимостью освоения новых технологий на строящихся в Балтии крупных предприятиях. Представителей этих групп объединяло сознание востребованности их знаний и профессиональной квалификации и удовлетворенность условиями труда и быта. В целом они вполне доброжелательно воспринимали новую этническую среду и вызывали у титульного населения благоприятное или, как минимум, нейтральное отношение.

Вышеперечисленные четыре группы - примерно четвертая часть русского сообщества Балтии - не только профессионально и духовно обогатили социальный потенциал этого региона, но и сыграли важную роль в демократических преобразованиях. Русские секции балтийских Народных фронтов внесли существенный вклад в становление национальной государственности своих республик, что признается всеми без исключения авторитетными обществоведами стран Балтии (см. [Niitsoo, 1997, lk. 75 - 98]). Это обстоятельство, в принципе, оценено и рядовыми представителями титуль-

ного населения, достаточно доброжелательно или же спокойно относившимися к данной части русской общины.

А вот появление на их земле офицеров Советской Армии прибалты воспринимали уже совсем по-другому. Вместе с членами семей военнослужащие составляли многочисленную и весьма заметную **пятую** группу (меняясь количественно, она в среднем составляла примерно 14 - 15% всей русскоязычной общины), чье социально-психологическое своеобразие было связано с их профессионально "кочевым" образом жизни и соответствующими установками. Но если пребывание офицерского корпуса Прибалтийского военного округа воспринималось местными жителями все-таки как данность, а его представители - как по существу подневольные люди, то **шестая** группа - офицеры-отставники (их удельный вес также достигал 15%) вызывала у них весьма негативные чувства. Эти люди, осевшие в регионе по личным предпочтениям и воспринимавшие себя его освободителями, с нарастанием кризисных явлений в советской экономике вызвали все большее раздражение у значительной части населения балтийских республик, включая русскоязычных. Тем более что в социально-бытовом плане отставники и члены их семей отличались, наряду с обладанием различными льготами, особой политической активностью.

Тем не менее были и еще две типологически близкие группы с более низким в глазах коренных жителей статусом. **Седьмая** - рядовые срочной службы (10 - 12%), которые после массовой демобилизации начала 1950-х гг. осели в Прибалтике, уйдя от "крепостного права" послевоенных колхозов. Естественно, бывшие советские солдаты потянули за собой "иммиграционный шлейф" - своих родственников². Наконец, самая многочисленная (35 - 38%) **восьмая** группа - приехавшие по оргнабору (лимиту) строители хозяйственных объектов союзного значения (Ново-Таллинского порта, химкомбината в Олайне, завода имени Попова в Риге, олимпийских объектов в Таллине и его окрестностях и т.п.). Адаптационный потенциал таких людей и их семей (а в основном это были селяне из сопредельных наиболее бедных областей российского Нечерноземья³) был очень низок. Теплых чувств к приезжим, работающим на предприятиях, имеющих фонды для жилищного строительства, не прибавляло и быстрое получение ими квартир. Так, к 1991 г. более 90% русских жителей Таллина имели отдельные квартиры [Эстония... 1995]. А напоминать о том, насколько острым для советского периода был жилищный вопрос, вряд ли необходимо.

Таким образом, во-первых, прибалтийские республики были единственным регионом в СССР, где перед его распадом наблюдалось увеличение русскоговорящей диаспоры, а во-вторых, низкостатусные, наименее склонные и способные к адаптации к иному этносоциальному окружению группы, составили примерно половину ее численности. Это уже само по себе способствовало удлинению социально-культурной дистанции между этнической группой и принимающей средой (см. [Park, 1950, p. 256 - 257]). А агрессивное неприятие приезжими местной культуры практически исключало даже самую слабую социальную диффузию между ними и представителями титульных этносов. В результате у контактирующих групп формировались установки и социальные представления, приводящие к нарушению "взаимности перспектив" и различиям в "типизациях" (термины А. Шюца [Шюц, 1998, с. 129 - 137]), которые создавали почву для добровольной или вынужденной сегрегации, а в перспективе и конфликтности.

² В этой группе, помимо русских, большую долю составляли представители других славянских и неславянских народов многонациональной России.

³ С 1960 по 1990 г. в Эстонию переехало 11,5 - 12% сельского населения Ленинградской и Псковской областей [Радуга, 1993, с. 19].

Таблица 1 Отношение россиян к приезжим из других стран (в %)

Место опроса	"Целиком" и "скорее положительное"	"Скорее" и "резко отрицательное"	"Равнодушное"	Баланс положительных и отрицательных установок
Большие города	16	70	13	0,23
Средние города	14	72	14	0,19
Малые города	18	67	15	0,27
В среднем	15	68	14	0,22

Источник: [Вестник... 2003, с. 43].

В меньшинстве: этнокультурное и/или этносоциальное противостояние

Рассматривая конфликтогенный потенциал региона, целесообразно отметить, что негативное отношение прибалтов к чужакам, мифологизируемое российским общественным мнением, - в действительности явление универсальное. Неприязнь к представителям других этносов, в первую очередь - новопоселенцам, точно так же присуща жителям сегодняшней России, особенно в средних городах, где уровень безработицы выше, чем в крупных, а возможность иметь приусадебный участок меньше, чем в малых (см. табл. 1).

Далее, напряженность между мигрантами и титульным населением Балтии на бытовом уровне носила не столько этно-, сколько социально-культурный характер, где этничность выступала лишь внешней оболочкой контрастных кросскультурных различий ("образованные-необразованные", "горожане-селяне", "местные-пришлые" и т.п.). Проблемы возникали не столько потому, что приезжие относились к другому этносу, сколько из-за того, что они демонстрировали в своем поведении интериоризованные компоненты маргинальности. "С горечью следует признать, - замечает по этому поводу эстонский социолог Е. Фишкина, - что... среди русских в Эстонии, увы, слишком много людей, которым, что называется, "до лампочки" любая культура" [Фишкина, 2000, с. 180].

В принципе такая социально-культурная напряженность была для СССР вполне типичной, ибо к концу 1960-х гг. в стране сформировалась огромная армия маргиналов-"лимитчиков", которые, кочуя с одной всесоюзной стройки на другую, создавали проблемы определенного рода. Ведь, как правило, они покидали насиженное место потому, что там возникло чрезмерное несоответствие между их запросами и тем, что может предложить общество. Они ехали "за счастьем" - за более высоким уровнем потребления, поэтому местные жители со своей культурой, особенно если та имела этноязыковые отличия, в глазах приезжих были лишь досадной помехой. Отсюда - агрессивное восприятие ими нового этнокультурного окружения, которое "мешало" побыстрее обрести "лучшую долю".

В объективной оценке миграционных процессов всегда присутствует двойственность. С одной стороны, человека можно понять, если он бежит от невыносимой жизни, от плохой организации общества, не позволяющей ему удовлетворить самые насущные потребности. Но, с другой стороны, возникает естественный вопрос, кто же должен изменить такую ситуацию? Уклоняясь от этой задачи, гражданин как бы возлагает ее на кого-то другого. Тем самым происходит перекладывание социальной ответственности и риска добиваться высоких гражданских целей на чужие плечи. Выбор из указанных альтернатив во многом определяется степенью гражданского самосознания личности, ее общественной диспозицией. Среди населения советской Прибалтики наиболее высокая степень социально-политической зрелости и готовность к граждан-

скому поступку оказалась у местных жителей, роль же социальных инфантилов как бы переходила к недавним приезжим.

Впрочем, не следует игнорировать и этнокультурный компонент межобщинных трений. При осуществлении проводимого в СССР курса на слияние наций наибольшие успехи были достигнуты как раз в среде русскоязычного населения в национальных республиках. Представители разных народов сливались в общность, теряющую свою национальную идентичность и говорящую на русском языке как языке межнационального общения. Все это было характерно и для русской общины в Прибалтике: происходила своеобразная "американизация" этой части советского общества - слияние мигрантов в "плавильном тигле" (*melting pot*). Но в отличие от заокеанских, здесь такие процессы происходили не на пустых территориях, среди редких поселений индейцев, а на землях народов, массовое сознание которых крайне негативно воспринимало эти масштабные демографические изменения. Разве, к примеру, не достойны сочувствия или хотя бы понимания тревоги латышей по поводу судьбы своего этноса, если учесть, что до войны их в Латвии было 75,5%, в 1959 г. - 62,3%, в 1970 г. - 56,7%, а в 1991 г. - менее 52%? Пример Нахичеванской автономной области, переданной большевистским правительством России по настоянию Турции Азербайджанской ССР, где коренное армянское население сократилось с 90% в 1920 г. до нуля в 1938 г., в республиках Балтии был хорошо известен. И разве нынешние аналогичные тревоги потомственных москвичей или петербуржцев, связанные с наплывом нелегальных мигрантов, так уж неестественны и преувеличены?

Вдобавок в то время русские (отчасти и украинцы, и белорусы), в отличие от представителей иных народов СССР, менее всего "замыкались" преимущественно формальными республиканскими границами. И в "своей среде" (в России), и вне ее (во всем Советском Союзе) они в большей степени, чем народы других республик, реально находились "у себя", не испытывая нигде особых трудностей адаптации. Это было вполне объяснимо, и не только потому, что русских в Союзе было больше, чем представителей других этносов вместе взятых, и их влияние на всех союзных территориях было достаточно ощутимым. Не менее существенную роль играли и социально-психологические факторы. Именно в сознании русских активно формировалась коммунистическая идеология "новой исторической общности" [Арутюнян, 2003, с. 31].

В результате к началу 1990-х гг. в странах Балтии возник "малый интернационал" (русские, белорусы, украинцы, евреи, татары, чуваша и др.), воспринимаемый титульным населением в виде обобщенного понятия "русские". Его материальная и духовная основа оказалась в серьезном несоответствии с мировоззрением народов, живущих испокон веков на этой земле. На мигранта обычно больше обращают внимания, по нему судят о народе в целом. Поэтому самопредставления русских ("мы - великая нация, одна из ведущих мировых культур", "мы - нация Пушкина, Чайковского, Толстого, Чехова, Достоевского") не встречали адекватного отклика у представителей титульного населения. Увы, в Балтии в последней трети XX в. нас по причинам, отмеченным выше, таким образом не воспринимали.

Тем не менее инфантильно-прагматические ориентации значительной части нетитульного населения региона привели к парадоксальной, на первый взгляд, ситуации. Несмотря на трения с титульным населением, создание различных Интерфронтов в противовес Народным фронтам прибалтов и массивную пропаганду, именно представители маргинальных русскоязычных групп на референдуме в марте 1991 г. наиболее активно поддержали идею выхода прибалтийских республик из состава СССР, полагая, что жить в богатой и комфортной Прибалтике выгоднее. Доля русских, проголосовавших в марте 1991 г. за ее независимость, составляла от 30 до 40%! То есть национально-патриотический мотив в принятии экзистенциального решения оказался слабее прагматического (для изменения взглядов потребовалось, чтобы русские почувствовали себя национально ущемленными). Таблица 2 показывает рост приверженности к данному выбору в среде российской диаспоры по мере деградации общесоюзного руководства: всего за один год доля сторонников независимости Эсто-

Таблица 2 Предпочтения русского населения Эстонии относительно ее будущего (в %)

Желаемый вариант	Апрель 1989 г.	Сентябрь 1989 г.	Январь 1990 г.	Март 1990 г.	Май 1990 г.
Союзная республика	54	37	20	24	21
Независимая республика в составе советской конфедерации	25	47	52	45	46
Независимое от СССР государство	5	9	17	21	27
Затруднились ответить	16	7	11	10	6

Источник: [Return... 1997, p. 91].

нии среди русских выросла почти в 2,5 раза, а доля готовых жить вне СССР - более чем в 5 раз!

Однако исследование, проведенное Институтом социологии РАН в апреле 1991 г., выявило неестественные по сути основы совпадения мнений титульного и нетитульного населения Балтии. Хотя значительная часть респондентов (от 38,2% в Эстонии до 49,6% в Латвии) к моменту опроса хотя бы один раз в жизни пережила сильный эмоциональный стресс, вызванный неблагоприятным контактом с советской государственной или партийной бюрократией, его причины у каждой из общностей **были различны**. Для представителей русской диаспоры наиболее типичные обстоятельства, приведшие к психологической травме, - это служебные злоупотребления администрации вкупе с нежеланием вышестоящих органов принимать меры против такой "несправедливости" (незаконное понижение в должности; незаслуженное депремирование; лишение права на приобретение имущества - автомобиля, дачи, мебельного гарнитура, холодильника; отказы в получении жилья, в прописке близких родственников; в приеме ребенка в детский сад; в предоставлении путевки в санаторий нуждающемуся в лечении и т.д.). Такого рода события составляли 77,3% в Латвии и 86,6% в Эстонии причин, вызывавших серьезное недовольство представителей русской общины.

Иначе выглядит перечень стрессогенных факторов у латышей и эстонцев. В нем доминируют мотивы, связанные с депортациями и репрессиями (в том числе и в отношении родителей, близких); со службой в армии (в основном, неуставные отношения); с преследованием за инакомыслие, за высказывание собственного мнения или по религиозным мотивам; с запретами на выезд за границу; с недоверием или оскорблением на национальной почве; с унижением человеческого достоинства и т.п. Среди стрессоров на эти причины указывали 76,2% латышей и 89,5% эстонцев.

В принципе эти довольно серьезные различия в системе ценностей (у одних - "справедливость", у других - "права личности", "свобода") носят преимущественно социокультурный характер. Ведь с послевоенным миграционным потоком Балтию заполнил весьма специфический контингент, в основном - социально неблагополучные слои советского общества. Эти люди сами были жертвами тоталитарного режима: они не просто меняли место обитания и социальное положение, но и разрушали связь со средой, их породившей. Происходил процесс переосмысления ценностных установок личности. Несформировавшаяся система взглядов часто замещалась "негативной самобытностью", основанной на противопоставлении себя чужому окружению. Социальные противоречия, которые на родине могли бы заставить человека бороться за преобразование общества, при проживании среди другого народа уходят на задний план. Критическое настроение по отношению к своим властям на чужбине трансформируется в строгую и пристрастную оценку "чужих" - местных жителей. В этой психологической установке и коренится источник конфликтов коренных жителей и пришельцев, поскольку первым не безразлично, каково у вторых "самоощущение и какую пользу приносят они земле, на которой живут и где собираются оставить потомство. Вопрос, в конце концов, в том,

пришли ли они сюда с начальническими амбициями, с миссионерскими устремлениями заставить местных жить по своему разумению, или отстаивать честь своего нового дома" [Силласте, 1985].

Обретение балтийскими республиками полноты государственного суверенитета быстро развеяло эйфорию русской общины периода "поющих революций". Социально-психологический шок, испытываемый русскоязычным населением в Латвии и Эстонии, в одночасье превратившимся в меньшинство, усиливался особым обстоятельством: в этих государствах, которые русские считали своими, значительная их часть неожиданно для себя стала апатридами⁴ (лицами без гражданства). А ощущение неприкаянности неизбежно порождает кризис идентичности, который у "русских, традиционно отличающихся коллективизмом... просто обязан был оказаться болезненным" [Ранкур-Лаферьер, 2003, с. 47]. Именно это болезненное мироощущение отличало русскую диаспору в бывших союзных республиках от диаспоры, возникшей во многих странах Европы и Азии после Октябрьского переворота 1917 г. или от послевоенных волн эмиграции. И тогда, и сейчас эмигрантов отличала психологическая готовность приспособиться к быту и языку другой страны и даже к возможным ограничениям там прав иностранцев. Но диаспоры в бывших союзных республиках - не вновь прибывшие на постоянное место жительства, а люди, прожившие на этой земле всю или значительную часть своей сознательной жизни. До независимости они в юридическом плане имели такие же права, как и коренные жители этих территорий, так что ограничение в правах поставило русских в унижительное положение.

Присутствие в XXI в. в Европе десятков тысяч апатридов - один из многих аспектов гуманитарного кризиса на постсоветском пространстве. И ответственность за него лежит не только на националистических лидерах Латвии и Эстонии, но в немалой мере и на руководителях СССР и России. В этой связи необходимо вспомнить, например, события 1988 - 1989 гг. - настоятельные обращения республик Прибалтики к руководству СССР о заключении нового Союзного договора. К тому времени в Москве уже дело шло к официальному признанию факта аннексии Прибалтики в 1940 г. А раз так, то лишение гражданства лиц, приехавших туда после 1945 г., с точки зрения международной юстиции вытекало из признания незаконности включения Латвии и Эстонии в состав СССР ("преступный акт не может создать права"). Будь договор подписан, такой аргумент утрачивал бы свою силу, но Президент СССР М. Горбачев, отказавшись тогда от этого, внес свою лепту в нынешнее униженное положение русских в странах Балтии.

Российское руководство аналогичным образом при подписании 24 августа 1991 г. акта о признании независимости Латвии и Эстонии не обеспечило полноценный гражданский статус нашей диаспоре. Спешка (акт был подписан менее чем через трое суток после путча августа 1991 г.) и непрофессионализм, проявленные при заключении договоренностей столь высокого уровня, привели не только к острейшим проблемам и с выводом войск, и с демаркацией границ, и с имуществом, и т.п. Главный просчет состоял в том, что **в исторический момент, когда объективно существовали возможности для закрепления нормального правового статуса людей, не по своей вине оказавшихся в чужой стране, российское руководство не сумело (или не захотело) их использовать и, по существу, бросило своих соотечественников на произвол судьбы.** Причем бросило в атмосфере растущей неприязни, ощущаемой русскими, на которых общественное мнение переносило ответственность за все преступления и ошибки советской власти.

В результате национал-радикалы, возглавлявшие в 1992 - 1994 гг. первые правительства балтийских республик (или имевшие в них сильное влияние), лишь воспользовались благоприятной ситуацией. Они достаточно оперативно сумели создать на упомянутой формальной юридической основе необходимую законодательную базу,

⁴ В настоящее время в Латвии насчитывается порядка 480 тыс. апатридов - выходцев из СССР, а в Эстонии - 162 тыс. - *Прим. ред.*

чтобы проводить политику вытеснения русских из основных сфер государственной и хозяйственной жизни, побуждая их к возвращению в Россию. Задача, стоявшая перед тамошними законодателями, заключалась в том, чтобы "формально допустив "натурализацию", обставить ее такими условиями и процедурами, чтобы, во-первых, возможно меньшее число мигрантов имело на это формальное право, во-вторых, у возможно меньшего числа людей из "имеющих право" возникало желание связываться с этими унижительными процедурами, и, в-третьих, чтобы всегда можно было найти благовидный предлог для отказа, если все же количество желающих стать гражданами превысит "безопасный" рубеж" [Цилевич, 1993, с. 94].

Самое яркое следствие этого - этнократичность государственных и политических институтов Латвии и Эстонии. Так, в 1996 г. из 28 членов правительства Латвии только один носил нелатышскую фамилию, а из 100 депутатов Сейма - всего 9 [Who... 1996]. К 2002 г. латыши составляли 93% работников латвийских министерств и 92% судей. В Эстонии ситуация была почти аналогичной: русскоязычные составляли лишь 9% всех судей и 6% чиновников министерства внутренних дел. В то же время ни одного русскоязычного не было среди чиновников министерств юстиции и образования. Из 12 городских департаментов Таллина только одним руководил человек с русской фамилией, при этом указавший в анкете, что его родной язык - эстонский [Полищук, 2002].

От социальной фрустрации к ренессансу

Подобный оборот дел вызвал естественный протест русской Балтии, с различной интенсивностью и степенью организованности продолжавшийся на протяжении 1990-х гг. В своих чаяниях эти люди часто апеллировали к России, но ее властная элита, на словах поддерживая их требования, в реальности самоустранилась из Прибалтики. Поскольку перипетии этих событий были подробно проанализированы мной ранее [Симонян, 2003, с. 119 - 143], здесь я ограничусь констатацией следующего, часто нарочито игнорируемого у нас факта: **к концу XX в. протестами потенциал нашей общины и ее надежды на Россию начали иссякать**. В оценке происходящего стало больше реализма, и в умах наших соотечественников сегодня доминируют настроения, которые в одной из латышских газет были сформулированы в виде следующего вопроса: "Стоит ли ждать помощи жителям другого государства от страны, которая не в состоянии помочь даже собственным беспризорным детям, которых у нее три или четыре миллиона?" [Diena, 2001]⁵.

Такое изменение позиций русскоязычной диаспоры в странах Балтии было обусловлено трансформацией ее социальной структуры за время, прошедшее после распада СССР. Теперь ее конфигурация и социальная стратификация связаны как с экономическим положением ее представителей в рыночной экономике, так и с их адаптацией к новым реалиям. Так, примерно с 1996 г. в диаспоре практически перестала существовать пятая группа - советские офицеры. Резко видоизменилась четвертая группа - высококвалифицированные рабочие и младший технический персонал. Национально-радикальные политики Латвии и Эстонии непредусмотрительно разрушали крупные предприятия, надеясь, что это позволит избавиться от "чужой" рабочей силы. Такие структурные перемены в экономике прежде всего коснулись русских как наиболее сосредоточенных в промышленном производстве. Впрочем, какая-то часть заводов сохранилась, а самое главное, оставшиеся без работы русскоязычные квалифицированные специалисты, разумеется, никуда не уехали, найдя своим способностям другое применение: чаще всего в бизнесе.

Отдельно стоит остановиться на длительной социальной депрессии, охватившей часть русской интеллигенции, активно поддерживавшей демократические движения

⁵ Возможно, эта цифра - преувеличение, но примерно о таком же количестве беспризорных говорят и отечественные СМИ [Сколько... 2002].

за независимость. Первые правительства суверенных республик были, в основном, националистическими, русофобскими. Их стараниями русскую часть демократического движения грубо оттеснили на политическую периферию. В такой вот форме оценили ее заслуги в борьбе с тоталитарным режимом и установлении демократии. Как оказалось, большинство русских явно переоценили демократизм национальных движений в Прибалтике, многие лидеры которых, возглавив правительства новых государств, "стали рассматривать десятки тысяч этих людей, поддержавших их борьбу за независимость, как ее врагов" [Аллик, 2000, с. 147].

Впрочем, идейно-психологическая растерянность русской элиты Балтии во многом сродни фрустрации основной части демократической интеллигенции России в 1990-е гг. Многие ее представители до сих пор испытывают чувство стыда за свою эйфорию в августе 1991 г., за то, что поверили в единство целей и интересов новой власти и народа. Некоторое утешение и те и другие видят в том, что и в Прибалтике, и в России подтвердилась известная закономерность революционного развития: те, кто своими усилиями создает новую власть, оказываются первыми ее жертвами.

Характеризуя нынешнее социальное самочувствие наиболее интеллектуального отряда нашей диаспоры в странах Балтии, нужно сказать, что ни высокий профессионализм, ни большой стаж проживания, ни общая культура, ни знание государственного языка, ни даже получение гражданства не оказались сами по себе гарантиями материального благополучия в независимых государствах. Более того, прежний жизненный опыт здесь, как и во всех других постсоциалистических странах, мог быть не только бесполезным грузом, но и препятствием к адаптации. Новый рынок труда выдвинул иные критерии преуспевания. Поэтому, по большому счету, принадлежность к "инсайдерам" и "аутсайдерам" не имеет прямой корреляции с выделенными мной типологическими группами русской общины. "Экономически продвинутые" распределены по ним примерно в равной степени. Языковой барьер вполне мог компенсироваться энергией, напором, а недостаток общей культуры или стажа проживания - снижением (или даже отсутствием) моральных ограничений.

Данные факторы давали преимущества представителям седьмой и восьмой групп. Во-первых, их опыт адаптации к новым условиям был достаточно свежим, а во-вторых, они в своей массе, в отличие от первых четырех групп, не были излишне обременены грузом морально-этических ценностей. "Не все группы общества равно восприимчивы к культурным травмам и способны выражать это, - отмечает по этому поводу П. Штомпка. - Скорее, у каждой травмы есть **центральные группы**, глубоко переживающие и воспринимающие ее, и **периферийные группы**, для которых она - несущественна, маргинальна. Влияние одних и тех же потенциально травматических событий (ситуаций) может быть качественно противоположным для различных групп. Для одних оно деструктивно, разрушительно, для вторых полезно и желанно, третьи его игнорируют" [Штомпка, 2001, с. 13]. В условиях жесткой и не всегда честной конкуренции в период перехода к рыночной экономике такое качество, как неразборчивость в средствах достижения цели, помогала именно маргинальным слоям русских занять более выгодную позицию на рынке труда. Не стоит также недооценивать тот факт, что за период пребывания в Балтии бывшие сельские жители российской глубинки в значительной мере освоили субкультуру промышленных городов, притом в ее сугубо западном европейском варианте.

Но наиболее репрезентативной оказалась дифференциация балтийских русских по возрастным группам. Молодые, как правило, имеют существенно более высокий уровень жизни. У них и самая высокая самооценка, пик которой приходится на возрастную группу 21 - 30 лет: каждый четвертый из них относит себя к высшим слоям общества. Иначе говоря, в странах Балтии уже сегодня начинает входить в активную социальную жизнь новое поколение русских - потомки самых "поздних мигрантов" 1970 - 1980-х гг. Многие из них никогда не видели своей исторической родины. Этим молодым людям гораздо ближе Стокгольм или Франкфурт-на-Майне, чем Москва или Нижний Новгород. Для них гораздо важнее утвердиться в социально-экономической, а

Таблица 3

Социальные настроения русских в Эстонии (в % к числу опрошенных)

Возрастные группы	Оценка жизни в республике			Оценка собственной жизни		
	Положительная	Отрицательная	Индекс	Положительная	Отрицательная	Индекс
18 - 29 лет	47	9	+39	33	12	+21
30 - 49 лет	44	8	+36	28	15	+13
Старше 50 лет	10	29	-19	5	63	-58
Население в целом	31	17	+ 14	21	32	-11

Источник: [Арутюнян, 2003, с. 37].

не в политической жизни. Получив гражданство, они отнюдь не торопятся к избирательным урнам, что, естественно, вызывает досаду лидеров русских партий в Эстонии и левоцентристских - в Латвии. Молодые русские в Балтии отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. Возрастная группа до 30 лет резко контрастирует с представителями более старших возрастных групп российской диаспоры.

Эта генерация русскоязычного населения с самого начала не могла рассчитывать на чью-либо помощь, будучи поставленной в условия жесткой борьбы за выживание. "Большая часть нашей молодежи, - отмечает таллинская журналистка Л. Семенова, - постепенно и как-то совсем незаметно, зачастую вопреки расхожему мнению, интегрируется в эстонское общество посредством языка, поэтому их будущее в Эстонии можно считать более-менее определенным" [Семенова, 2002]. Многие из них успешно освоили торговлю, банковское дело, финансовые операции, завели деловые контакты на Западе. В отношениях со сверстниками титульных наций молодые русские чаще стремятся к поиску компромиссов. Отношение титульного населения к молодому поколению русских более благоприятное, что поднимает и авторитет русской общины в целом.

У молодых русских выше, чем у представителей других возрастных групп, оценка и общей социальной ситуации и своего места в обществе (см. табл. 3). Даже с учетом естественной экзистенциальной компоненты различия между молодыми и пожилыми возрастными группами представляются более чем убедительными.

Высокая планка стандартов экономического успеха стимулирует интеграционные стратегии молодых русских, повышает их лояльность и языковую адаптивность. В отличие от "титульной" молодежи, ориентированной на государственные формы обучения (муниципальные школы с углубленным изучением предмета, курсы, кружки, бесплатные секции и т.п.), русским приходится более интенсивно использовать альтернативные его формы, требующие оплаты из собственного кармана (частные школы, наем платных репетиторов и др.). Понятно, что в таких условиях их мотивация к учебе выше.

Взгляды русских на жизнь также отличаются от взглядов их сверстников из титульных этносов. Последние, создав определенный капитал, в полной мере реализуют свои потребительские интересы (комфортное жилье, загородный дом, престижный автомобиль - обычный ассортимент соответствующих западных ценностей). Они глубже включены в процессы "постмодернизации" жизненных ориентации, среди них преобладают гедонистические настроения, такие как приятная и беззаботная жизнь. Разумеется, и русские стремятся к этому тоже, но все-таки чаще они предпочитают учиться и получать хорошую квалификацию. Кстати, их меньшая политическая активность во многом связана с нехваткой свободного времени: в целом русская молодежь значительно больше титульной занята на работе. Молодые русские легче поступают в европейские и американские университеты, успешнее стажировались в зарубежных фирмах. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении

Таблица 4 Самоидентификация русских в Эстонии (в % к числу опрошенных)*

Тип самоидентификации	Возраст, лет			
	18 - 24	25 - 34	35 - 54	Старше 55
Русские ближнего зарубежья	15	15	30	33
Русские Балтии	29	16	21	16
Русские Европы	21	8	11	6
Русские Эстонии	69	65	71	71
Русские Эстонии по рождению	43	35	26	27

* Допускалось несколько вариантов ответа. Источник: [Return... 1997, p. 295].

определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание - социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку. Другими словами, имеет место отождествление себя с социально-экономическими проблемами территории постоянного проживания. В частности, о самовосприятии представителей различных возрастных групп русских общин можно судить на примере Эстонии (см. табл. 4).

Таким образом, молодой русский житель Балтии, в отличие от своих родителей, - горожанин, с детских лет усвоивший поведенческие и интеллектуальные навыки своей среды в таких городах, как Рига или Таллин. Для своих родственников из сельских районов Псковской или какой-либо иной российской области он уже чужой, ненастоящий, "неправильный" русский. Но в то же время это и не латыш или эстонец. Существенная часть его персонального опыта в силу влияния родителей и этнического сообщества (общины), в результате имевшего место давления со стороны местных национал-радикалов кардинально отличается от опыта его сверстников из титульного сообщества. То есть нетрудно заметить: этнотрансформационные процессы среди молодых русскоязычных жителей Балтийского региона зашли достаточно далеко, чтобы говорить о постепенном складывании их в новый субэтнос, который я называю балтийскими русскими, или "еврорусскими".

Не менее интересно, что отношения между молодыми поколениями двух основных общин в Балтии - это уже качественно иная ступень межэтнического взаимодействия: диалог суверенных сознаний. Новые, молодые бизнесмены титульных национальностей, которые в недалеком будущем заменят нынешних политиков, уже строят свое социальное поведение по законам рыночной рациональности. Оставаясь на своих национальных позициях, они меньше обеспокоены сохранением латышского или эстонского языков, которые испытывают все большее давление английского. Они более склонны к межэтническому сотрудничеству и уже эффективно умеют работать совместно. Они практически полностью утрачивают доминанту конфронтационного сознания, иногда еще свойственную их родителям. Им, так же как и молодым "еврорусским", ничего не надо доказывать.

Итак, в странах Балтии в настоящее время идет интенсивный процесс формирования особой этнокультурной русскоязычной группы со своим менталитетом и субкультурой, адаптированной к современным глобальным вызовам. По данным московского Центра исследований русских национальных меньшинств, 62% опрошенных балтийских русских считают, что они отличаются от своих российских соотечественников (еще 15% - отличаются кое в чем), и только 10% респондентов убеждены, что никаких различий между ними и русскими в России нет. Тот же опрос показал, что в этом регионе воззрения большинства русских на внутреннюю жизнь стран проживания почти идентичны воззрениям титульного населения. Конечно, русские молодые люди Балтии стремятся к со-

хранению языковой и культурной самобытности и национального самосознания, но вместе с тем они намерены быть лояльными гражданами своих государств, представлять их интересы за рубежом, быть интегрированными в местное общество и не чувствовать здесь себя чужеродными элементами [Фишкина, 2000, с. 179]. В принципе в условиях постоянно расширяющихся во всем мире миграционных потоков и, соответственно, процесса диаспоризации экономически развитых государств подобная "перекрестная" идентификация (индийский британец, японский американец, арабский француз и т.п.) в мультикультурном обществе представляется закономерным и единственным социально приемлемым ответом на вопрос о духовной и культурной идентичности в новом тысячелетии.

"Еврорусские" и Россия

Для любой страны, а тем более претендующей на статус мировой державы, своя диаспора в соседнем государстве - неоценимый геостратегический фактор. Среди 7,4 млн. человек, населяющих три балтийские страны, только этнических русских около 1,5 млн. Причем эта община (куда входят и представители других народов России) не только стабильна, но и обладает значительным экономическим потенциалом. В таком контексте можно лишь пожалеть, что "очернение" в российских СМИ стран Балтии препятствовало проникновению туда русского капитала: политические просчеты помешали российским бизнесменам активно участвовать в приватизации объектов промышленности и транспорта. Ведь сегодня многое из того, что там принадлежит немецкому, финскому, шведскому, норвежскому капиталу, вполне могло бы быть собственностью россиян.

Нынешнее российское руководство, конечно же, должна волновать проблема получения всеми русскими Балтии гражданства своих стран. Но сегодня более важен другой вопрос: нужна ли им будет их историческая родина? Отношение нашей диаспоры к России, особенно молодых ее представителей - "еврорусских", напрямую связано с более глубокой проблемой подлинно демократического национального возрождения российского государства. Коль скоро, согласно ряду опросов, трое из четырех российских студентов, обучающихся за рубежом, не собираются возвращаться на родину, то что уж говорить о русских вне России? Еще несколько лет отсутствия продуманной последовательной политики по отношению к нашей прибалтийской диаспоре - и мы ее окончательно потеряем.

Это будет досадная потеря, притом не только в связи с предрекаемым демографами почти 50-процентным сокращением российского населения к середине XXI в. Хотя в сравнении с русской диаспорой в странах СНГ (порядка 25 млн. человек) и в странах совокупного Запада (по разным оценкам 8 - 10 млн. человек) численность русскоязычного населения в странах Балтии невелика (около 1,5 млн. человек), значение возможного участия данной части нашего народа в судьбе исторической родины ни в коем случае не стоит недооценивать.

В отличие от диаспоры в СНГ эта община устойчива и стабильна. Исход русских из неславянских постсоветских государств не ослабевает, а близость к конфликтным районам повышает потенциальную иммиграцию. Кроме того, следует учитывать и межцивилизационные аспекты. Формирование в среде русского населения таких стран социального слоя, близкого по характеристикам к "еврорусским" Балтии, крайне маловероятно. В славянских же Украине и Белоруссии ситуация иная: здесь доля русских даже возрастает за счет миграции из неславянской части СНГ. Но географически упомянутые страны ближе к Западу, чем Россия, а поскольку социальный климат там, пусть и в разных аспектах, близок к российскому, и вдобавок наше иммиграционное законодательство отличает крайняя жесткость, миграция оттуда русского населения, скорее всего, будет иметь западный вектор.

В отличие же от россиян, проживающих в западном сообществе, покинувших страну добровольно в поисках лучшего места приложения своих сил, балтийские русские

оказались эмигрантами не по своей воле, а в результате распада СССР: они никуда не уезжали, и по-прежнему их дом - эта часть постсоветского пространства. Кроме того, русские в прибалтийских государствах составляют не доли процента в общей численности населения, как, скажем, превосходящие их в количественном отношении общины в Германии и США, а весьма существенную их часть. Это позволяет говорить, по крайней мере применительно к Латвии и Эстонии, как о двухобщинных странах, наподобие Бельгии или Финляндии.

Есть еще один важный момент, на который следует обратить внимание. Благодаря своему пограничному, промежуточному положению между двумя цивилизациями, страны Балтии способны аккумулировать разные культуры, и в этом смысле их можно условно отнести к территориям, обладающим свойством превращать иноэтничный компонент в носителей своих региональных ценностей. Но так как регион не обладает масштабом, необходимым для ассимиляции чужаков, местные ценности не в состоянии изменить их этническую основу (тем более, что историческая родина - огромное соседнее государство). При этом русское меньшинство стремится к сохранению своей культуры: различные социологические исследования показывают, что у подавляющей его части существует устойчивая установка на сохранение своей "русскости"⁶.

Итак, социокультурные особенности балтийского региона дают уникальную возможность российской общине реализовать новую модель выживания в новых условиях, избегая как ассимиляции, так и параллельного изолированного существования рядом с титульными этносами. Какова будет судьба россиян в США, Германии, Англии, Франции, Канаде и др., сказать трудно. Вероятнее всего через два-три поколения они полностью утратят свою идентичность и ассимилируются, как это произошло с миллионами эмигрантов первой волны, бежавших из Советской России⁷. В странах Балтии противоположная картина: русские, составляющие существенную долю их населения, имеют ареалы компактного проживания (северо-восток Эстонии, латвийская Латгалия, практически все крупные прибалтийские городские агломерации).

И здесь стоит выделить еще один важный для нашей страны момент касательно прибалтийских русских. Если наши соотечественники в ведущих государствах Запада не участвуют в серьезном бизнесе, то в Балтии положение совершенно иное⁸. В отличие от старых капиталистических стран рыночные отношения там начали возрождаться после более чем четырех десятилетий господства советской хозяйственной сис-

⁶ Недавние выступления русскоязычных старшеклассников Риги в защиту права на среднее образование на родном языке - наглядное тому подтверждение, независимо от спекуляций некоторых латвийских и российских политиков. - *Прим. ред.*

⁷ Вообще перспектива формирования устойчивых общин эмигрантов из России в государствах Европы и Америки представляется маловероятной, так как за редким исключением (Брайтон-Бич в Нью-Йорке) россияне в этих странах живут разрозненно, являя собой дисперсную этническую группу.

⁸ Возможности наших эмигрантов в области бизнеса на Западе жестко ограничены малыми его формами (мелкооптовая торговля, ресторанный бизнес, сфера бытового обслуживания и т.п.). Это неудивительно, ибо они приехали в страны с давно сложившейся структурой экономики, традиционной элитой, жесткими корпоративными связями в рамках промышленно-финансовых групп и т.д. Поэтому наши соотечественники, рассчитывавшие на предпринимательскую деятельность крупного масштаба, быстро разочаровываются. Многие из них оседают в теневой сфере экономики, но мало кто стремится к сотрудничеству с исторической родиной.

Правда, в научной и научно-прикладной сфере (работа в частных фирмах в качестве высококвалифицированных специалистов по наиболее востребованным профессиям - физики, химики, биологи, математики, программисты и т.д.) все по-другому. Хорошо известно, что представители российской эмиграции последних волн заняли там достойное место. Сегодня средний доход представителей этой группы наших эмигрантов, например в США, - в среднем 50 тыс. долл. в год, что намного больше, чем у семьи коренных американцев - порядка 36 тыс. долл. [Новое... 2002, с. 32; Парамонов, 1999, с. 295]. Вряд ли следует рассчитывать, что эти высококвалифицированные специалисты начнут возвращаться в Россию. Наоборот, по данным министерства образования, ежегодно из России около трех тысяч научных работников эмигрируют на Запад.

темы только на рубеже 1980-х - 1990-х гг. **при самом активном участии русского населения.** А в процессе перехода к либеральной рыночной экономике наши соотечественники в целом добились ничуть не меньших, а во многих направлениях и значительно больших успехов, чем представители титульных этносов. Позиции нашей диаспоры возрастают в связи с выходом на общественно-экономическую арену стран Балтии молодого поколения "еврорусских". Их появление на современной социально-экономической сцене столь важного для России региона заставляет нас внимательнее приглядываться к русской общине в странах Балтии. Ведь она, по сравнению с другими такими общинами как в старом, так и в новом зарубежье, обладает целым рядом преимуществ, которые необходимо не только изучать, но и эффективно использовать в наших национальных интересах.

В этой связи проблема места и роли нового субэтноса как потенциального важного участника возрождения России приобретает актуальность. В складывающейся социально-политической ситуации самой России не справиться с ворохом проблем, которые она создала для себя как за три четверти века тоталитарного режима, так и за минувшее двенадцатилетие. Издержки и просчеты периода рыночных реформ привели не только к формированию у нас в стране деловой культуры, очень существенно, если не принципиально отличающейся от деловой культуры Запада. Куда серьезнее, что эта порочная социальная модель может быть законсервирована на многие годы. В криминализованной и коррумпированной среде вряд ли стоит ожидать появления слоя новых собственников, обладающих развитым гражданским самосознанием, руководствующихся подлинно государственными интересами, заинтересованных в долгосрочных перспективах развития и процветания страны. Расчеты же на механическую трансформацию российского социума в гражданское общество, как минимум, наивны. Любая культура способна самовоспроизводиться и защищаться от угроз, и "деловая культура" симбиоза российских чиновников, силовиков, криминала и бизнеса, который мы ныне наблюдаем, в этом аспекте - не исключение. Логично предположить, что ее превращение "в нечто более напоминающее западную, может занять целую эпоху, если только такая трансформация вообще возможна и будет происходить" [Косолапов, 2002, с. 149].

Переформулировав классический вопрос русской интеллигенции, рискну предположить, что суть проблем в настоящий момент **не столько в том, что делать, сколько в том, кому делать.** Все мало-мальски значимые акторы российской социально-экономической сцены настолько погружены в густую атмосферу бесчисленных компромиссов с совестью и законом, что ждать от них решительных и последовательных шагов к цивилизованной экономической системе и открытому обществу не приходится. Нынешние и подрастающие кадры менеджеров государственного масштаба способны лишь воспроизводить существующий организованный хаос - слишком большая их часть изначально заражена всеми неизлечимыми нравственными и социальными болезнями современного российского общества. Причем даже у успешных молодых людей, остро переживающих и униженное состояние нашей страны, и ее имидж за рубежом, возникает уродливая ответная реакция: "Ладно, нас не любят, но пусть хотя бы боятся". Не случайно молодой российский бизнес - "носитель в высшей степени националистических настроений. Диапазон этих настроений у нас широк: от государственничества до прямого расизма и ксенофобии" [Независимая... 2001]. Поэтому часто высказываемые надежды на молодое поколение россиян - весьма эфемерны. Скорее всего, необходимые для возрождения России кадры придется искать на стороне.

Страны Балтии, где успехи в становлении либеральной рыночной экономики создали необходимые предпосылки для формирования гражданского общества и появления нового среднего класса, уже сегодня обладают тем нужным для России кадровым потенциалом, который она может эффективно использовать для будущей интеграции в объединенную Европу, предварительно наведя у себя порядок. Так что если для этого России вновь потребуются "варяги", то они здесь, рядом - наши молодые соотечественники в Прибалтике.

А умению работать с ними нужно учиться и у Китая, в котором знаменитое экономическое чудо создано на 90% за счет поддержки зарубежной диаспоры. И у Германии, умело использующей свои многочисленные общины в Латинской Америке и Южной Африке. И у Венгрии, которая продуктивно применяет ресурсы своих соотечественников в соседних государствах. И даже у Турции, не говоря уже об Израиле... Правительство Армении все 12 лет независимости успешно использует свое главное стратегическое богатство - армянскую диаспору. Этим пользуются и другие большие и малые, в том числе и балтийские, государства. Россия же, обладающая самой многочисленной диаспорой в мире, пока совершенно не извлекает выгоду из этого ресурса в своих государственных интересах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллик Я.* Памяти духовного отца //Таллинн. 2000. N 19 - 20.
- Арутюнян Ю. В.* Русские в ближнем зарубежье (по материалам сравнительного этносоциологического исследования в Эстонии и Узбекистане) // Социологические исследования. 2003. N11.
- Вейдеман Р.* Тартуский опыт демократии //Таллинн. 2000. N 19 - 20.
- Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. N 1(67).
- Исаков С.* Русские в Эстонии. Таллинн, 1997.
- Косолапов Н.* Итоги десятилетия российских реформ // Pro et Contra. 2002. N 2.
- Национальные и этнические группы в Латвии. Рига, 1996.
- Независимая газета. 2001. 28 июня.
- Новое время. 2002. N 46.
- Парамонов Б.* Конец стилия. СПб.-М., 1999.
- Полищук В.* (Нац)кадры решают все // Молодежь Эстонии. 2002. 11 сентября.
- Радуга (Таллинн). 1993. N 4.
- Ранкур-Лаферьер Д.* Россия и русские глазами американского психоаналитика. В поисках национальной идентичности. М, 2003.
- Семенова Л.* Интеграция по-европейски // Молодежь Эстонии. 2002. 7 сентября.
- Силласте Ю.* За какую команду играем? //Таллинн. 1985. N 4.
- Симонян Р. Х.* Россия и страны Балтии. М., 2003.
- Сколько в России беспризорников? // Комсомольская правда. 2002. 24 января.
- Фишкина Е.* Есть ли будущее у русской культуры в Эстонии? // Русские в Эстонии. Таллинн, 2000.
- Цилевич Б.* Время жестких решений. Рига, 1993.
- Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. N1.
- Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1998. N 2.
- Эстония. 2002. 12 сентября.
- Эстония: столичные жители. Материалы социологических опросов жителей Таллина в 1974 и 1991 гг. М., 1995.
- Diena (Рига). 2001. 18 декабря.
- Niitsoo V.* Vastupanu 1955 - 1985. Tartu, 1997.
- ParkR.* Race and Culture. New York-London, 1950.
- Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu, 1997.
- Who is Who in Latvia. Riga, 1996.
- © Р. Симонян, 2005